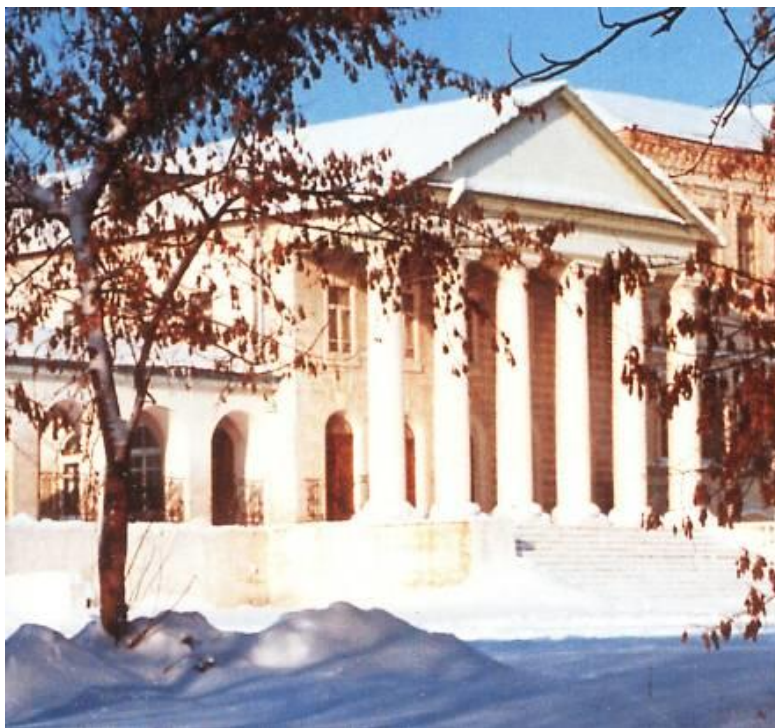

Гостиный двор

**художественно-публицистический
альманах № 1(11) - 2011 г**

Дорогие читатели!

Перед вами новый выпуск художественно-публицистического альманаха «Гостиный двор».

Очень нелегко вести сегодня литературное издание. Каждый автор, будь он писатель или поэт, тревожится о том, как его будут читать? Кто будет его читатель? Увидят ли то, что он хотел показать? Те же волнения испытывает редакция альманаха во главе с О.С. Кирюхиной, которая с большим энтузиазмом и любовью к русской словесности готовит каждый номер.

В очередной раз мы даем возможность нашим читателям встречаться на страницах альманаха с уже состоявшимися авторами – прозаиками и поэтами и попробовать себя, свои силы в литературном творчестве. Благо на земле Карсунской богата палитра литературных талантов! Все они живут рядом с нами и любят свою малую родину.

Рубрика «К истокам» представлена статьёй Д.Шеварова «Братство лицеистов было союзом от сердца» к 200-летию Царскосельского лицея.

Гостями «Литературной гостиной» стали поэты из Ульяновска, Димитровграда. Впервые в альманахе печатается Л.Г.Абрамушкина, творчество которой пронизано Гимном Жизни, Добру, Свету, Любви.

В разделе «Свирель» вы прочитаете замечательные стихи юных дарований о маме, о школе, об осени.

В «Бухте семи ветров» уютно разместились удивительные детские рассказы.

«Семейный альбом» посвящён известной в районе семье Селянковых Владимира Михайловича и Людмилы Петровны.

Волшебные рассказы путешествуют по страницам рубрики «В гостях у Кота Котовича».

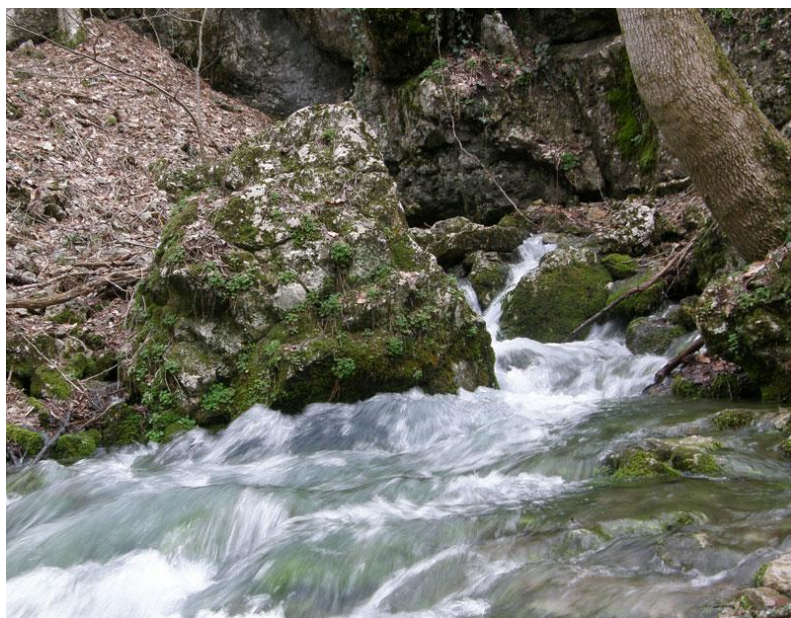
Загляните обязательно в «Балаганчик». Убеждена в том, что вам будет по-настоящему весело.

Приятного вам семейного чтения и отдыха.

Сердечно благодарю всех наших друзей.

А.Самарина, директор Центральной библиотеки
им.Н.М.Языкова.

К истокам

Братство лицейстов было союзом от сердца

(к 200-летию Царскосельского лицея)

19 октября 1927 года

*Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!*

*Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!*

То была среда. Утром Пушкин написал эти строки, а вечером уже читал их товарищам. Первую строфу он посвятил тем, кто был рядом, а вторую обратил к тем, кого не было за столом – к Ивану Пущину и Вильгельму Кюхельбекеру.

«Бывают странные сближенья...» Эта одна из любимых пушкинских мыслей имела в жизни поэта и буквальные воплощения. Посудите сами, 13 октября, за неделю до лицейской встречи 1827 года, Пушкин выехал из Михайловского в Петербург. В тот же день из одной крепости в другую повезли Кюхлю. Вероятность их встречи невероятно мала.

Но судьба совершает прощальный пируэт и происходит «странное сближение». Четырнадцатого октября Кюхельбекера привозят на глухую почтовую

станцию Залазы, где в это время сидит у окна с книжкой Шиллера проигравшийся накануне в карты Пушкин.

«Мы кинулись друг другу в объятия,—записал потом в дневнике Пушкин,—жандармы нас растащили...»

Друзьям и перемолвиться толком не дали. Кюхлю спешно отправили дальше. Пушкин рванул было по грязи вслед за арестантской телегой, но дюжий фельдъегерь сгрёб его в охапку и держал как безумного.

Пока на станции Залазы растаскивали двух обнявшихся друзей, где-то не очень далеко другая телега везла в Читинский острог ещё одного лицеиста — Пуцина. У него была тетрадка, в которой он тайком делал карандашные записи, 22 октября он пишет: «Ехали на телеге, что было довольно беспокойно; теперь сели на сани, и я очень счастлив...Я слышал, что Вольховский воюет с персами; не знаю, правда ли это...»

Как странно это читать: человека везут по морозу в Сибирь, и, скорее всего, на верную гибель, а он пишет, что счастлив переменной телеги на сани, и все его мысли — о лицейских товарищах...

Братство лицеистов было союзом не ума, а от сердца, и потому в нём не различались земные ранги и чины. Приближённые к трону и попавшие в опалу оставались братьями.

«Государственный преступник» Пуцин пишет адмиралу Матюшкину в январе 1852 года: «Судьба

меня баловала и балует... Постоянные попечения. Я иногда просто таю в признательном чувстве...»

Вспомним ещё: «успешный и богатый» князь Горчаков, вернувшись из-за границы, рискуя карьерой, принимает в псковском имении своего дяди ссыльного Пушкина.

Пушкин, отыскав в старых бумагах неопубликованную поэму Кюхельбекера, тут же принимается пробивать её в печать. На помощь ему приходит бывший лицеист второго выпуска цензор Василий Семёнов. И поэму «Ижорский» напечатали.

Кюхельбекер, переведённый на поселение, первые письма пишет лицейским друзьям, а самое первое – Пушкину: «Мой долг прежде всех лицейских товарищей вспомнить о тебе, потому что ты более всех помнил обо мне... Не хвалю и даже не благодарю, потому что должен был ожидать от тебя всего прекрасного...»

Через несколько лет Пущин просит из Сибири Матюшкина присмотреть за осиротевшим сыном Кюхельбекера: «Ещё прошу тебя отыскать сына нашего Вильгельма-покойника... Мальчик с дарованиями...» И тот исполнит просьбу друга...

Вот так:

«Бог помочь вам, друзья мои...»

Дмитрий Шеваров
(газета «Первое сентября»)

Литературная гостиная

Андрей Цухлов

Выпускник Ульяновского педагогического университета. Работал преподавателем в колледже, журналистом в городской газете. Сегодня работает в пресс-службе Законодательного Собрания Ульяновской области. Член Союза писателей России. В 2011 году вышла его книга «Сверчок и поезд»

КЛЮЧ ПОД КОВРИКОМ

Мы когда-то жили проще.
В гости – без предупрежден
И мобильных не знали.
Если помощь – бескорыстно.
А еще мы ключ под коврик
клали для своих домашних:
дескать, если кто его забудет –
вот лежит он у порога.
Иль оставят у соседа
«Москвичи» и «жигуленки»
голосующих на борт
брали так легко, охотно.
Перспективы не боялись.
В целом верили газетам.
Были океан и космос,
«Мир», «Буран», хоккей
мощнейший,
и земля не продавалась.
А на праздничном застолье –
на десерт звучала песня.
У костра и под гитару.
Сок березовый в продаже.
И пломбир – копеек двадцать.
А теперь?..
В ответ несется:
«Хватит ныть, восьмидесятник!
Все прошло и не воротишь.
Нет «совка» да и не надо,
не нужны нам украинцы,
белорусы, азиаты,

пионеры, комсомолцы,
дефицит, хождение строем,
стройотряды и линейки
А теперь - в избытке шмотки,
много водки и еды...».
Да, вы правы, бизнес-люди:
ностальгировать – бесплодно.
Но вот коврик у порога,
а под ним квартирный ключик
с буратиновым упорством
не могу никак забыть...

ПОЛЮБОВЬЕ

Масленица широкая!
Всюду блинчики солнышками!
Лошади игогокают,
девки поют хорошие!

Скоро запалят чучело!
Будет тепло весеннее!
«Эк тебя нахлобучило!»
«Дык, пред постом - угощения!»

Ну а пока начинается:
в драку полезли мальчишки.
Старше - за них вступаются,
улиц своих защитники.

Так побузят, поборются,
глядь, - мужики здоровые
стенка на стенку строятся:

будет борьба суровая!
Один на один сначала
выходят два самых крепких,
и – понеслась отчаянно!
Метелят друг дружку эх как!

Мелькают варежки, шапки,
румянцы – силушка, удаль!
С вина, кто особо шаток,
упал от удара грубого.

Не суйся, кто больно робкий!
На праздник у русских – драка!
Удары сыплются – ох как!
Обычай святой – на вот! на-ка!

Сражение (или «кулачки»)
кипит вопреки морозу!
Ох, ринуться б кучу горячую!
Была не была! Шапку оземь!

Но больше всего однако
нас удивляет другое:
масленичная драка
звалась у крестьян «полюбовье».

Бились до первой крови
и лишь кулаками – не страшно.
Лежачих – ни-ни. Полюбовье.
Хоть все синяками раскрашены.

Потом выпивали, обнявшись.

«Прости ты меня!» «Бог простит!»
И Масленица горящая
уже на пригорке стоит.

...Сегодня убьют за понюшку.
Сегодня для злобы – раздолье.
Добро с кулаками. А нужно б.
А было ведь так – поллюбовье.

ЗОЛОТОЙ ГОЛ

Осеннее поле. Деревья играют в футбол.
Команда зеленых – команда желтых.
Обводят друг друга, трибуны требуют гол.
И птицы-болельщики от тишины оглохли.

Солнце летает неспешным мячиком,
судит, - да с присвистом! - ветер-арбитр.
Тучи лениво любуются матчем.
Деревья - играют. Неважно, кто выиграет.

Октябрьское дерби! Такие вот дерби.
Желтые, красные карточки-листья.
Сосны, березы, осины и вербы.
Зачем по траве угорело носиться?

Желтые, впрочем, расстроят болельщиков:
хвойные их победят, однозначно.
Солнце в воротах ветвей затрепещет.
Но - лишь в концовке этого матча.

СНЕГОВИК

По весне все расцветает,
жить желает бешено.
У меня же – сердце тает,
нос морковкой вешаю.
Весело меня лепили,
прямо с детским лепетом.
Было снега в изобилье,
а сегодня – нет его.
Время капает беспечно,
так и ходит маятник.
Я отнюдь не долговечен,
как и всякий памятник.
Жизнь – она как снежный ком:
то летит, то хлюпает.
С тайной таянья знакомлюсь,
с каплями-минутами.
В горле тоже ком: обидно.
Всем привет от прежнего
исчезающего вида -
«человека снежного»!
Дети обо мне забыли.
Горячее щеки крыш.
Было снега в изобилье,
а теперь – не выпросишь.
Не стоять мне средь двора,
на синиц не пялиться.
Ребятишки, мне пора,
утеку сквозь пальцы я.
Может, стану я дождем,
буду плавать облаком.
Может, чем-нибудь еще.
И – вокруг да около...

Виктор Малахов

В 2011 году Виктор отметил 60-летний юбилей. Он – уроженец Челябинска, выпускник Челябинского политехнического института. Проживает в г. Ульяновске. Член Союза писателей России. Участник литературных встреч, посвящённых памяти Анатолия Чеснокова.

ПРОЩАНИЕ

Памяти А.С.Бунина

Окошко сплошь заледенело,
А хочется ещё разок
Увидеть голубое небо
И тонкий месяца рожок,

Приметить юркую синицу,
Рябинку встретить у крыльца...
И, как положено, проститься
Со всем, что было, до конца.

Так вот оно какое, счастье!
Так вот на что ушли года!
...Но, сколько с жизнью ни прощайся,
Не распростишься никогда.

Последнего не скажешь слова –
Всегда останутся слова,
И можно их припомнить снова,
Ведь память светлая жива.

И можно, не скрывая слёзы,
Шептать напутствия друзьям.
...Но будет бесконечно поздно
Словам, и взглядам, и слезам.

Слышишь ветра дуновенье внешнее?
Вот причина прежнего волнения!
...Но уже закаменело внешнее,
Ограждая нежность от ранения.

Каменная поступь тяжела.
Отступить? И мучиться безмерно?
И забыть, что можно так желать?
И не верить придорожным вербам?

Время стыками стучало,
Торопило поезда.
За окном земля качалась
И скользили провода.

Раскатились вдаль колёса,
Взяли память в оборот.
И с некошенных покосов
Свежий ветер в лица бьёт.

И достойно сожаленья,
Что скользит легко-легко
Березняк, в косых линейках
Расплываясь молоком.

Кабы времени навалом,
Кабы сил не впроворот,
Разве так бы волновало
Всё, что мимо промелькнёт?

РЕЧЬ

В тоске звериной зорь кроваво-мглистых
Рождалась речь, туманна и проста,
В потугах неоформившейся мысли,
В мученьях неподатливого рта.

Тягуче длилось время... Голоса
Неторопливо наполнились значением.
...И зазвучали степи и леса
На языке стоянок и кочевий!

И было дело для умелых рук:
Ваять кувшин и созидать жилище.
Ловчей ложилось в руки топориче,
Работой шлифовался каждый звук!

Речь корчевала, сеяла и жала,
Любого не чуралась ремесла,
И ревностно наукам прилежала,
И многие науки превзошла.

На поле брани, честь не уронив,
Оружием владея в совершенстве,
Отбила Речь двенадесять нашествий
За щебет птиц и мерный гомон инв.

Она - не гостья на честном пиру,
Она - не приживалка у богатства...
И непоруганной среди любых порух
Она должна по праву оставаться

Николай Марьянин

Родился в Татарстане, в селе Три Озера, по окончании средней школы поступил на машиностроительный факультет Ульяновского политехнического института. С тех пор Ульяновск стал местом жизни и творчества. Неоднократно бывал в Карсуне, Языкове, Теньковке, принимал участие в литературных мероприятиях в нашем районе. Организовал на сайте СТИХИ.РУ страничку «Анатолий Чесноков из Теньковки»

НАРОДНОМУ ПОЭТУ

*На открытие памятника
Анатолию Чеснокову*

Ты лёг на холме перед сельской церквушкой,
в которой тебе отпустили грехи,
и стайки синиц разнесли над речушкой
твои с переливчатым звоном стихи...

Простила Теньковка минувшие страсти,
ведь ты для неё в этом зареве лет -
народный поэт не по прихоти власти,
по милости Божьей народный поэт!

Не счесть, на каких изнывал ты голгофах,
но в этом и был твой земной колорит:
зажжённый тобой в поэтических строфах
свет Родины - в сердце России* горит!

Летят выразительных строк вереницы
над тихой печалью родного села,
а в зарослях тенькают звонко синицы,
чтоб память народная вечно жила.

* "Свет Родины" и "В сердце России" –
названия стихотворных сборников
Анатолия Чеснокова.

ПОЛЫНЬ

Шальной дурман полыни -
Как дерзкий путь в зенит -
Мне душу и поныне
Волнует и пьянит.

По замыслу мессии,
Всем сладостям назло,
Считай что пол-России
Полынью поросло.

Чуть спустишься с пригорка -
И хоть косой коси...
Не потому ли горько
Живётся на Руси?

Но нас ведь и под плёткой
Так просто не возмёшь:
Россию горькой водкой
Захочешь - не зальёшь.

И потому так громко
В хмелю полынных струй
Кричат в России «Горько!»
Под сладкий поцелуй.

Инга Гаак

Инга Гаак живёт в Димитровграде. Она – член Союза писателей России, пишет в стиле фэнтези, новеллы, стихи, а ещё она - дизайнер, участница выставок декоративно –прикладного творчества. Она неоднократно выступала на Пушкинском празднике Поэзии в Языково. В 2011 году Инга приезжала в Языково с сыном и давала мастер-класс ребятам-участникам экспедиции «Начни с себя»

ВЕТЕРОК

(миниатюра)

«Ветерок» – так называлось кафе, куда папа с мамой водили меня по вечерам кушать мороженое. В те времена мне казалось, что нет ничего прекраснее этих азиатских вечеров, источающих ароматы сортовых роз и спеющего винограда, бесконечным кружевом оплетшим маленький гарнизон. Кто бы мог подумать, что совсем рядом – рукой подать – дикая унылая пустыня, днём угрожающе выдыхающая невыносимый жар, а ночью жалобно плачущая тысячью шакальих голосов.

Иногда пустыня вздрагивала и асфальт покрывался паутиной трещин, а в домах позванивали подвески люстр, а мебель, оживая, вальсировала по комнатам, пугая взрослых и веселя нас, детей. А иногда из-за гор, пересекая пустыню, приходил чужой ветер, он заполнял собой каждый гран воздуха, отнимая его у живых существ, да он и сам был жизненной формой, впрочем, ксенофобной. За несколько дней до его прихода многие люди, особенно женщины, испытывали необъяснимую тоску, они страдали, не то оплакивая неизвестное будущее, не то вспоминая прекрасное прошлое. Немногочисленные в гарнизоне собаки выли, а из глаз у них катились слёзы; кошки катались по земле, скребли её, норовя проникнуть вглубь и укрыться от неминуемой опасности. После ухода ветра улицы, листва, комнаты покрывались пыльным слоем мелкой серовато-золотистой пыли. До сих пор, годы и годы спустя, открывая родительские книги, следовавшие за нами повсюду, я обнаруживаю следы того странного ветра и не сдуваю их, позволяя пыли стариться и тлеть вместе с бумагой, превращаться в пыль веков...

Мальчик с дрожащими от предвкушения будущего губами, твои глаза сияли так ярко, что затмевали другие «зеркала души», а их было немало в зале, где я читала стихи. Я, как корабль в бурю, была спасена чистым ясным огнём, самообладание, чуть не потерянное мною, было восстановлено, и я рассказывала о себе, об иных мирах, где мне довелось побывать, о грёзах и фантазиях, увлекающих меня в игры света и тени. Ты один остался подле меня и эхо твоих слов заблудившимся призраком металось по опустевшим уголкам зала.

– Я влюблён... в ветер! – чуть задыхаясь от волнения, пробормотал ты, старательно отводя взгляд. – Только ветер способен изменять мир, сдувать шелуху с истины, только он освежает затхлое, душное, жмущееся по подворотням... Только ветру подвластны море и суша, только он достоин Песни... я написал музыку ветра, но я нигде никогда не встречал стихов о Нём, передающих самую суть ветра... – сбивчиво бормотал ты, так наивно верящий в свою гениальность, а в доверчивых глазах плавился янтарь моих рыжих кудрей. – Если бы вам удалось написать стихи... Такие, чтобы слезились в прищуре глаза, а крик в горле сбивался в ком, чтобы вырастали крылья и земное притяжение больше не имело над нами власти. В тот миг, подпав под твоё обаяние, я ощущала себя всемогущей, поэтому кивала головой, соглашаясь. Но я солгала нам обоим... И ты тоже... ...ты стал взрослым и скучным, тебя интересуют компьютерные игры и бизнес-ланчи в престижной кафешке. Стандартный набор столичных удовольствий и... никакого ветра в твоих волосах... может быть потому, что я так и не написала стихи о ветре?.. Но, Бог знает, как же я мечтала сочинить для тебя и других таких же юных и доверчивых прекрасные дерзкие строки... Я вечера напролёт стояла на балконе вглядываясь в

плещущие оранжем волны заката, в строгие силуэты чёрных птиц, но я не понимала, как передать чувства, переполняющие мир...

Однажды мне представилось, что Бог похож на ребёнка, играющего хлопьями белоснежной пены, подхваченной из ванны матери-Вселенной. Он подбрасывает их, хлопая в ладоши, когда пена распадается лёгкими сверкающими облаками. Он дует на них, позволяя подниматься всё выше и выше, рассыпаться мириадами крошечных пузырьков, и каждый из них — это крошечный мир...

— Мириад — мир и ад, думалось мне в следующий миг: — Неужели Ад присутствует в каждом из миров? Или мы, живущие, создаём его своими мыслями, несбывшимися мечтами, бесконечными желаниями?.. А может, мир — это и есть Рай, а мы — песчинки перетекающие из одной колбы в другую, из Рая в Ад и обратно, по мановению руки всё того же Бога-младенца?.. Что наше Бытие? Огненная геенна или древо Жизни с ветвями, подпирающими все семь небес? И огонь, и листва невозможны без дыхания ветра, и первый вдох-выдох новорождённого — тот же ветер.

Что, если ветер и есть Бог? Или он лишь дыхание Сущего?..

Голова кружится от мыслей-снежинок. Я становлюсь сердцем метели, ведь и она — порождение ветра...

Я пишу стихи, создавая новые миры и, значит, — я тоже немножко Создатель! Значит, я тоже немножко ветер... Ветерок... Я не могу сочинить великие строки о ветре, ведь писать о себе, как о чём-то значительном, стыдно... Ш-ш-ш...

ОТРАЖЕНИЕ

Брат мой... Ты помнишь, как медленно мы разворачивали туго скрученные лепестки, мерцающие в лунном свете, и обнажали золотые сердца? С каким наслаждением мы вдыхали первые глотки воздуха, как трепетали от порывов ветра и прижимались друг к другу, обретая надежду в кратковременных объятиях, как сникали под дождём наши нежные алебастровые чашечки и вновь сияли, отражая ласковый солнечный свет?..

Сестра моя... Ты помнишь тех докучливых бабочек, что норовили оставить потомство в наших сладостных лонах, ты просто бледнела от страха, увидев их; я шептал тебе стихи, и ты вздрагивала, блаженствуя, и тебе уже не было страшно...

...Помнишь, как весело было слушать пушистое жужжание пчёл, они были чуть неуклюжи, но от них так чудесно пахло...

...Жемчужины твоих лепестков усыпали землю, и я оплакивал твою угасшую красу, не замечая метаморфоз, происходящих со мною... Ты хорошела вновь, и как же я любовался твоим стыдливым румянцем, темнеющим день ото дня... Ты была так красива, я видел как струился сок под твоей чистой лоснящейся кожей...

Брат мой... На Мировом дереве тысячи таких как мы, а нас было только двое во Вселенной, так любящих друг друга, мы были отражением, мы были эхом друг друга... Но лязгнули ледяные ножницы, Садовница-Судьба разлучила нас навеки... И всё же, превратившись в приторно-сладкий нектар, я чувствую растворённую в нём соль твоих слёз... Брат мой!.. Сестра моя!..

Абрамушкина Людмила Георгиевна

Родилась Людмила Георгиевна в 1947 году в Карсуне в семье учителей. Свое первое стихотворение Людмила написала в 8 лет.

Никто не придал тогда этому значения и не стал развивать творческие возможности. Судьба была решена. Дочь была определена в медшколу, по окончании которой работала медсестрой, а затем – институт и работа врачом.

Пережито немало. Появилась потребность излить все это в стихах. Сильное впечатление произвели встречи в литературном салоне у Елены Токарчук под началом профессора педуниверситета Лилии Козловой в г. Ульяновске. Самое большое место в ее творчестве занимает тема любви.

Некоторые стихи положены на музыку собственного сочинения.

Несмотря на грустные, иногда пессимистичные нотки в стихах, все творчество поэтессы пронизано Гимном Жизни, Свету, Добру, Любви.

Российская глубинка

Грустинка, русская грустинка,
Ты из провинции идёшь.
В душе у каждого живёшь,
Ведь здесь – российская глубинка.
Нет не глубинка – глубина
И широты, и щедрости духа,
Гостеприимна мудра,
И с обострённым чувством слуха
И с обострённым восприятием
Происходящего вокруг
Готова заключить в объятиях,
Помочь преодолеть испуг.
Лишь здесь – духовное начало.
Что деньги, должность, суета...
Есть ценности непреходящие –
Людская честь и доброта,
Людское доброе начало,
(А не компьютерная сеть).
Здесь лодка жизни у причала,
Маяк заблудшим душам есть...

Работникам Карсунской центральной библиотеки им. Н. М. Языкова

Спасибо вам за радость встреч,
За грусть невольных расставаний,
И постижимость новых знаний,
Восторг открытий, узнаваний,
За вашу грамотную речь.
Как важно всё это сберечь.

На смерть В. М. Селянкина.

Когда уходит из жизни знакомый, близкий по духу человек, у меня всегда возникает чувство вины, что не успела встретиться, сказать доброе слово, вовремя откликнуться.

Так случилось, что я узнала о смерти Владимира Михайловича Селянкина из районной газеты... Как? Не может быть. Кинулась искать газету с его опубликованными стихами.

«Будут звёзды по ночам

Вихрем августа кружиться...»

Эх, Володя, Володя. Как же так? Вспомнились встречи в редакции, Языковском парке, на Дне Карсуна...

Последняя – на автовокзале, даже не встреча, а так, кивок издали.

И вот теперь его нет...

Нет, был раньше ещё один телефонный разговор – отклик на его стихи и пожелание «всходов в новой борозде»...

Последние напечатанные стихи Владимира Михайловича как-то особенно нежны и лиричны... Не позвонила, не откликнулась. Что-то помешало.

Теперь уже не позвонить...

«Молчишь – испугом сентября»... и ещё:

«Тоской не снятся сентябри

Зеленой комната,

Они далёки – посмотри,

Их путь незримый»...

(Стихотворение В. Селянкина «Зелёное»)

Что это? Предчувствие?

А в другом стихотворении:

«Я вернусь к вам невзначай...»

Володя ушёл, но остались его светлые, тёплые высокие стихи. В них он будет жить вечно и возвращаться к нам каждый раз, как только мы будем брать их в руки.

Вечная память тебе, дорогой друг.

Владимиру Селянкину

*«Друг, оставь покурить », -
А в ответ тишина...
Он вчера не вернулся из боя»
В. Высоцкий*

Какая легкая смерть – за сердечные раны –
награда.

Не мучился сам и не мучил других.
Но рано ушёл, а пожить еще надо бы...
Ты с думой о светлом внезапно затих...

А душа твоя, знаю, над нами летают,
И встреча поэтов тебе предстоит.
Здесь, на земле, нам тебя не хватает,
Но ты взял разбег и уходишь в зенит.

И, как Чесноков, своё место на небе
Ты скоро займешь среди прочих светил,
Охваченный думой о душе – не о хлебе.
Для нас ты всегда будешь, есть, а не был.

Пока еще октябрь

Говорите друг другу хорошее
Говорите про «звёздное крошево»
Про глаза, про добрые руки,
Чтоб успеть сказать до разлуки.

Называйте любимыми, милыми,
Называйте необходимыми.
На земле мы можем держаться
И расти, и состояться.

Если есть рядом доброе слово,
Если стержень есть и основа,
Если есть чьи-то добрые руки
И любви сладкие муки...

Если есть настоящая дружба,
Есть, где жить, - это всё, что нужно.
Остальное добудешь сам
И поможешь своим друзьям.

Свирель

**Ты – Мать,
и жизнь, и символ красоты**

Журавлева Ольга, 10 лет

Моя мама

Мамочку свою,
Очень сильно я люблю.
Умная, красивая,
И в делах трудолюбивая.
Всегда поможет, даст совет,
Лучше ее на свете нет.
И не перечесать ее доброту,
Я очень сильно ее люблю!

Пашковская Дарья, 11 лет

Маме

Мама моя – это жизнь и тепло.
Мама моя – это мир и добро
Будь же ты с нами всегда, дорогая
Пусть обойдут тебя в жизни печали.
Будет тебе нелегко, мы поможем
Сгладим твои неприятности вмиг.
Ведь у тебя есть любимые дети,
Ну, а у нас – дорогой человек.

Пашковская Екатерина, 10 лет

Мамочка моя.

Мамочка родная, милая моя!
Какая я счастливая,
Что есть ты у меня.
Ты самая красивая
И нежная моя.
Добрая любимая
Мамочка моя!

Пашковский Евгений, 10 лет

Мама

Маму милую мою
Очень сильно я люблю,
И для мамочки своей,
Напеку я кренделей.
Напою ее я чаем.
На ночь сказку расскажу.
Я же мамочкой своею
Очень сильно дорожу.
Я люблю ее улыбку.
Я люблю ее глаза.
Потому, что моя мама,
Мне по жизни дорога.

Тымбур Галина, 12 лет.

Родной край.

Родная деревня, родные дома
Родная берёза стоит у окна,
И шелест листочков её золотых
Поёт мне о маме и сёстрах родных
О людях, с которыми рядом живу,
О тех, кто мне дорог, кого я люблю.
И солнце здесь ярче
И небо светлей,
И ближе нет сердцу лугов и полей.

Мои желания

Я желаю, чтобы не было войны,
Чтобы солнце радостно вставало
Каждый день и чтобы не было беды,
И вся страна с улыбкой завтра чтоб встречала.

Я желаю, чтоб любили всех детей
Мамы, папы, бабушки и тёти.
Чтобы в школе нас учили доброте,
А родителей учили на работе.

Я желаю, чтоб друзей исполнились мечты
Те, которые чисты и вдохновенны.
Я желаю просто, чтобы жили мы
На прекрасном шаре во Вселенной.

Школа

Здесь прочитали первые слова.
И буквы робко написали.
Ах, Школа лучшая моя,
Мой светлый класс и парта голубая.
Хожу дорогою одной за годом год.
Так незаметно время пролетает,
А школа нас как в первый раз
С теплом и добротой встречает.
Родные нам учителя,
Вы столько знаний подарили!
Мы не забудем никогда,
Чему Вы нас всегда учили.

Осень

Падают жёлтые листья
В нашем затихшем саду.
Дождливое серое небо
Сеет туманы и мглу.
Солнце не видно неделю
Грустный и мокрый асфальт.
Осень – капризная дама
Одела седую вуаль
Сними покрывало скорее,
Рыжие кудри встряхни,
Осень – прекрасная дева,
От грусти и слёз отдохни.
Дай насладиться тобою,
Солнцем нежарким твоим,
Подарками и тишиною
Перед приходом зимы

Карабалина Анастасия, 13 лет

Уходит осень

И красен круглый лист осины;
Замолкли птиц живые голоса.
И словно волшебницей, дивой красивой
Играет, как песня, душа.
Какой живёт она мечтою,
Какие любит времена.
О, осень, ты одна такая.
Ты в сердце у меня всегда.
Деревья стоят на осеннем параде.
О чем-то ведут разговор меж собой.
Ты знаешь, осень, как в сердце печально.
Как хочется встать, улететь далеко за тобой.
Как птица, парящая под небесами,
Я крикну всем сердцем:
«В душе хорошо!»
И осень нарядом укроет всю землю.
Срывает и гонит с них лист золотой.
Уходит дева – осень своею дорогой
И на прощанье все машет косынкой.
А север готовит свой зимний алтарь.

Кисарова Анастасия, 9 лет

Осенняя пора

Пришла осенняя пора,
Позолотилась природа.
Вся рада наша детвора:
Какая чудесная погода?

Осень

Наступила осень.
Завяли все цветы,
Летят по небу с криком журавли,
Потемнело небо, скоро дождь пройдет
По деревьям снова ветерок пройдет.

Осень на дворе настала,
Что-то вдруг прохладно стало,
Дождик за окном прошёл
Ёж в лесу грибок нашёл

Касымова Эльнара, 11 лет

Поздняя осень

Заглянула осень к нам.
Листья в поле пожелтели.
Лишь зеленые стоят
У порога только ели.
И ветер по утрам
Стучит в окно: «Гамм, гамм!»
Пришли метели
И замерзли уж капли.
Лужи тоже замерзают,
И сосульки мерцают.
Люди куртки надевают
Потому что замерзают.

Бухта семи ветров

Осень-художник

Об осени часто говорят: художник-осень. Всего за несколько дней осень: «перекрашивает» пейзаж. Раньше лес был зеленым, но пришла осень и изменила зеленый на множество цветов и оттенков. Каждая порода дерева окрасилась в свой цвет. Некоторые деревья становятся лимонно-желтыми, а некоторые – оранжевыми. Есть такие, которые окрашиваются в густой темно-желтый цвет, он называется охра. Попадаются и оттенки красного: багровый, малиновый, тёмно-красный. Коричневый всех тонов также присутствует в палитре осени-художника. Есть такой оттенок, который называется золотистым. Только вечнозеленые деревья остаются такими, как и были.

Осень окрашивает не только листья на деревьях, но и плоды. Цвет осени – это цвет спелых яблок. А яблоки тоже могут быть разными: от зеленого до красного. Темно-синие и нежно-зеленые сливы, спелый фиолетовый виноград, ярко-оранжевые тыквы – это тоже краски осени.

А еще осень окрашивает небо. Ранней осенью часто бывает яркого лазурного цвета. По нему плывут белые легкие облака. Постепенно синий смешивается с серым, а облака становятся тяжелыми, темными, превращаются в темно-серые тучи. Всё чаще льет серый бесконечный дождь. Яркие, радостные краски сменяются на мрачные, скучные. Скоро зима.

Аббасов Рамиль, 10 лет

Осень.

*Необъяснимую печаль
Таят в себе красоты осени.
А. Дементьев*

Чарующе прекрасна осень. Нельзя насмотреться на лес в золотом уборе. Золотом покрылась листва на деревьях, в воздухе появилась прохлада. Изредка выглядывало солнце, озаряло все вокруг и окрашивало лес в яркие и веселые цвета.

Ветер срывал с деревьев листья и нес их неведомо куда. Листья трепетали на ветру и, то печально, то радостно кружились в танце. Когда ветер опускал листья, они плавно и изящно падали на холодную, влажную землю. Деревья покачивались из стороны в сторону. Казалось, что они живые, что они хотят пройти по этому чудесному лесу и оглядеть каждый кустик, каждый сухой сучок. Слегка пожелтевшая трава таинственно шелестела и под дуновением ветра походила на волны.

По голубому небу плыли белоснежные перистые облака. Лучи солнца просвечивались сквозь янтарную и пунцовую листву. На душе становилось тепло и хорошо. Весь этот прекрасный осенний лес был окутан какой-то загадкой.

Осень. Считать ли ее скучной, унылой порой или радоваться ее краскам? Это цвета увядающей листвы, травы, мокрой коры, овощей и фруктов. Осенние тона неяркие - рыжие, ржавые, золотистые, медные,

коричневые. Цвета пряностей: карри, корицы, горчицы. Жёлтый - кукурузный, латунный. Красный - гранатовый, коричневато-красный, бордовый. Зелёные блёклые и сложные - болотный, хаки, цвет мха, оливковый, коричневатый. Подобрать синий цвет для осенней палитры сложно. Подойдут приглушённая бирюза, цвет морской волны .ближе к зелёному, чем к синему, глухой мазутный. Для натуралиста это - интересное время года. В зоне умеренного климата осенью0, в непродолжительный период яркости красок листвы, растения раскрывают нам еще одну сторону своей жизни и красоты. При этом многие виды в осеннем уборе выглядят даже декоративнее, чем летом. У иных яркая окраска листвы дополняется интересной формой и цветом плодов.

*Листья как пестрые бабочки
Тихо порхают в саду.
Клумбы, дорожки и лавочки
В желтом пушистом снегу.
Яркая, сочная, нежная
Радует взгляд синева.
Осень, хозяйка прилежная.
Снова вступила в прав*

Абдулина Адиля, 13 лет

Осень-художница

*Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса-
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса.*

Я люблю золотую осень за ее необыкновенную красоту. Осень-художница все деревья и кусты раскрашивает яркими красками .Каждому деревцу она дарит неповторимый наряд. Берёзы стоят в золотых платьях. Бронзой покрыты дубы . Клёны пылают ярким огнём. На рябине и калине яркие бусы.

Особенно красив осенний лес. Словно в сказочном хороводе стоят деревья. Янтарём и рубином горят листья.

Осень-волшебница кружит яркие листья в вальсе. Кажется ,что идёт золотой дождь. Деревья грустью прощаются со своими роскошными нарядами .Земля покрывается мягким, пушистым разноцветным ковром. Мне нравится гулять по пёстрому ковру, любоваться деревьями, собирать яркие букеты из осенних листьев.

Осень - самое щедрое время года. Я люблю осень за богатый урожай. Мы всей семьёй ходили в лес за грибами. Как приятно найти красивые боровики, подосиновики, душистые рыжики, разноцветные сыроежки.

Осень - труженица дарит урожай не только людям ,но и лесным зверям ,которые делают запасы на зиму.

Золотая осень - это удивительное , прекрасное время года . Я люблю осень за то, что она дарит нам сказочную красоту и щедрый урожай.

Салахетдинов Эльмир, 10 лет

Осень

Осень всё разрисовала
Жёлтым, красным, даже алым
И багряный лист осины
Стал не серым, а красивым.
Красота вокруг кружится
И к нам под ноги ложится.
Разноцветные ковры –
Это осени дары.
Скоро к нам зима придет
И всё снегом заметет,
Перекрасит в белый цвет
Весь осенний пёстрый свет.

Семейный альбом

Круглый ДОМ

Фамилия – это по-старинному семья. А, значит, говорить о фамилии – это говорить о семье. У каждой фамилии есть своя подоплека. Карсунский поэт Владимир Селянкин о своей написал так:

*Селянкин я! Я - селянин!
От поселения, от пашины.
И знаю я, кем раньше был,
Чем славен был мой род вчерашний.
"Червями рыжими в земле
Копались..." - говорит былина.
Пахали пашню по судьбе*

*С времён Микулы Селянина.
Растили, сеяли, пасли...
Крестьянской жадностью извечной;
И службу Родине несли...
И линии моей не вечер.
Течёт рекою век людской,
Ещё жива на пашне нива.
И прорастает род мужской -
Зерно Микулы Селянина.*

Родился Владимир Михайлович Селянкин 26 октября 1947 года в селе Большая Кандарать Карсунского района в большой крестьянской семье седьмым ребенком и прожил полную разнообразных событий но, увы, не особо длинную жизнь. Множество впечатлений нашли отражение в его литературном творчестве. А вспомнить было о чем. Взять хотя бы, к примеру, Колыму.

Анна Петровна Селянкина после отъезда сына на Колыму, сетовала: «Вовка-то упорол на Колыму. Других туда в кандалах тащат, а он добровольно. Упертый парень, беспокойный. От большого ума страдает. В шестом классе стихи сочинил про учителей, все по правде написал. Они обиделись да из школы его и погнали. Отец запретил ему баловаться стихами, до повзреления запрет наложил. Теперь вот на Колыму. Что ему там надо, что ищет?»

И как бы в ответ матери звучат строки из воспоминаний самого Владимира Михайловича: «Скучно мне стало здесь. Вот и уехал на Колыму. Там мне сказали, мол, поэты нам не нужны, работяги требуются. Подучился и стал работать на в.в.с. – высоковольтных сетях. Есть такой город – Сусман (снежная долина) около Полярного круга. Места изумительно красивые, край для авантюристов и романтиков.

И вот в эту заполярную красоту и привез Володя молодую жену – бывшую одноклассницу Лягу Зотову –

тоненькую со вздернутым носиком и отчаянным характером. Не враз согласилась она стать Селянкиной, но Владимир Михайлович был настойчив. «...сказал себе – будет моей. Так и случилось...Люда в Заполярье приехала убежденной учительницей. Сеять разумное и вечное ей пришлось в школе рабочей молодежи (хотя она была готова преподавать и в «зоне»), где 70 проц. учеников составляли бывшие зеки, которым эта учеба – нож острый, но заставляют. И что вы думаете, уже на второй неделе у нее на уроках была 100-процентная посещаемость».

«Как ни странно, – делится воспоминаниями Людмила Петровна, - безопаснее и веселее, чем в Заполярье нигде не жилось. А потом уехали в Куйбышевскую область. Там у нас родилась Аленушка. Сейчас ее старший сын Вадик всего на пять лет моложе своего дяди Вити (когда он у нас родился, ей было 16 лет). А уж Витя, я считаю – подарок Бога...»

В конце концов семья Селянкиных обосновалась в Карсуне. Людмила Петровна стала работать в образовании, а Владимир Михайлович освоил новую профессию – строителя.

И снова вспоминает Людмила Петровна: «Володя по натуре романтик. Когда создаются комфортные условия, он начинает тосковать, ему скучно. И как только освоил новую профессию, жить ему стало неинтересно. Я его хорошо понимаю... А мальчишка-то растет, и такие у него иной раз интересные наблюдения, что диву даешься. И мысли в рифму, и складно получается. Я Володе и говорю: «Ты потерял смысл своей жизни, а он ведь рядом ходит – сын наш. Может Бог его подарил нам, чтобы ты в нем состоялся». Володя настоящий мужчина, сильный. И если что решит, то решит.

А «подарок Бога» меж тем рифмовал с малых лет с детской непосредственностью, и получались замечательные и полные глубокого смысла строчки:

Вырасту.

Построю ДОМ:

*Чтобы круглый был – кругом!
Круглый потолок и пол,
К круглым стенам – круглый стол!
Чтоб для круглых...
шалунов
В ДОМЕ не было...
углов!!!*

Из воспоминаний Владимира Михайловича: «Я прислушался к бормотанию сына, и правда, есть у парня видение, и сочиняет, как играет. И стал записывать за ним, предлагать ему всякие развивающие игры в слова, рифмы, понятия, развивать в нем самостоятельность мышления». Работа не прошла даром. Стихов накопилось столько, что впору книжку издавать. Да денег на этот случай в семейном бюджете не предусмотрено.

Но хорошее начинание без поддержки не осталось. По совету давней своей знакомой, корреспондента «Народной газеты» Марии Радовой обратился Владимир Михайлович за помощью Сергею Николаевичу Рябухину, в ту пору председателю попечительского совета Фонда культуры, где была программа «Новые имена». Рябухин откликнулся всей душой, и на свет появилась радостная книжка с рисунками 24 юных художников (учеников В.Фролова) из знаменитой Карсунской школы искусств им. А.А. Пластова и стихами 9-летнего Вити.

Сегодня это уже совсем взрослый молодой человек. Учится в УлГУ и получает высшее юридическое образование. Целеустремленный и настойчивый во всем он достойно продолжает семейные традиции Селянкиных – оставаться человеком в любой ситуации. Владимир Михайлович и Людмила Петровна имеют все основания гордиться своими детьми. Они вырастили и воспитали достойную смену. Для них семья – не пустой звук и это замечательный пример для других.

Селянкин Михаил Тимофеевич

Деда Селянкина я помню мало. Больше по рассказам папы. Я представляю его этакой |«глыбой» с медвежьими ухватками, скуповатым на слова и поступки.

Молчаливость и отчуждённость его произошли, наверное, от нелёгкой рабочей жизни. Он с малолетства работал и работал; воевал добровольцем на войне, был в плену, восстанавливал залитые водой в войну шахты- рубил зубилом и кувалдой, кайлом и киркой в забое, в крошечной темноте, уголь.

Главное, что бросалось в глаза: у этого среднего роста крепыша были непомерная сила и руки. Седой, с высокими залысинами над морщинистым лбом, с прямым носом и серыми (сталистыми) глазами под кустистыми бровями, он был целеустрелёнен той сельской, крестьянской жилкой. Он весь как будто состоял из жил и морщин: глубокие (глубочайшие) крупные борозды располагались на его овальном лице, на вечно обветренной, крутой и широкой, загорелой шее, на его открытом всем ветрам лбу. По скулам и крепким, как дубовые корни, рукам вечно буграми перекатывались желваки. В свои «молодые» семьдесят лет он легко один поднимал с земли на тележный воз матрасовку (так называется большой, широкий, вёдер на пятнадцать, мешок) с картошкой.

Это было осенью: папа со своим другом Лукашевским, фотокором из газеты, укладывали на повозку через высокие наклески мешки с картофелем. И когда им попалась первая же матрасовка, они попросили деда помочь погрузить. Михал Тимофеич, так с малолетства называли его в деревне, легко в перевалку от сохи подошёл к грузчикам. Неспешно расправил широченные плечи. Твёрже уставил ноги в пудовых кирзовых «вечных» (он их не снимал и зиму, и лето) сапогах. Заставил посторониться, ухватился, как клещами, своими руками за «вихор» мешка и, переворачивая его в воздухе, легко положил

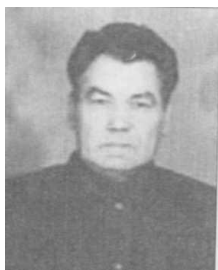
на свою грудь, затем неуловимо весёлым движением играючи забросил на самый верх бурта в телеге. «Тяжеловатый, однако, будет», — подначил он ошалевших, опешивших парней.

Много работы поворачачали мосластые (в запястье двумя ладонями не обхватишь) в черных, как борозды пахоты, жилах и уздах его руки; они непрерывно что-то делали: пахали, косили, рубили и пилили лес; корчевали пни; а в длинные зимние под свет коптилки вечера катали и валяли в купоросном дыму и угаре валенки. Валенки заказывали у него со всех окрестных сёл. Валял так, каким был сам, накрепко - «сносу не будет». Это, мне кажется, про его руки написал в своей поэме наш ульяновский поэт Николай Благов:

Лемеха, не руки, - благодарствуй. Двойняши усядутся в ладонь. Вечные замки у государства, Так и говорят они: «Не тронь»!

Дед Селянкин вечно работал широко, привольно, смело и легко, как дышал. И так же в работе, легко и на много, пережил всех своих сверстников: «Работай - Бог жизни добавит». Жил он, как дуб, почти век. И, глядя на дедушку, невольно думалось, что он непосредственный потомок нашего славного былинного Микулы Селяниновича.

Зотов Пётр Филиппович

Мой дедушка сидит в уголке на кухне, у печки на самодельном диванчике. Очки с толстенькими стёклами съехали с его большого с курносинкой носа. Всё ещё чёрные брови прикрывают прищуренные большие, со смешливой искрой в глубине зрачка глаза. Высокий лоб нахмурен, и даже седые серебристые волосы, кажется, в раздумье о прошедшей жизни. Широкие плечи обвисли, и просторные чёрные обшлага его тужурки налезают, наплывают на бледные,

выстиранные временем былого, аристократические с длинными пальцами ладони.

Он, кажется, дремлет. Он теперь постоянно то дремлет, то «ковыряется», ремонтируя свою деревянную ногу. Война, атака на Лодейном поле в помощь обороне Ленинграда, отняла её у этого статного, ладного, кудряво-чернявого в прошлом. Он молчалив и постоянно задумчив. Грустно смотреть на бывшего заводилу, весело-колоритного рассказчика; душу небольшого конторского, чисто женского коллектива. Острослов, колхозный бухгалтер, который знал подноготную своего колхоза, округа, па и людей; он был любимцем и предводителем любой компании. Подвижный, несмотря на свою хромоту.

Увлекающийся и увлекающий, в которого были влюблены все окружающие, а конторские «леди» просто боготворили его - своего Зотова Петра Филипповича. Сейчас почти неподвижен и молчалив.

Время, вредная привычка - тяга к табаку, работа и болезни отняли у го последнюю радость - разговор. После операции на голосовые связки [лишился сладости общения, а болезнь глаз лишила его уверенного зрения, отняла аккуратность каллиграфического почерка.

Но дедушка редко унывает. Даже когда комиссия сняла с него первую группу по инвалидности, он, рассмеявшись, написал: «Заметно помолодел: и глаза восстанавливают зрение, и нога заметно отрастает, не говоря про громогласность речи...». Он оптимист, только немного подуставший. Его интересует всё, и, когда мне приходится с ним общаться, широкоскулое лицо его с мудрыми глазами озаряется улыбкой. Глубокие морщины разглаживаются. Серебристый чуб над благородным лбом привскакивает, как дворняжка у конуры; а в глубоких, сероватых в крапинку глазах рыгают весёлые чертенята - солнечные зайчики.

Виктор Селянкин

Декабрь

1.

*От лесов тишины нанесло
На поля, на луга, на поляны,
Запечатало снегом село;
Даль густа, холодна и туманна.
Колкий иней на ветки рябин
Лёг печально порою ночью.
И клубиться кудрями седин
Над стволами...
Синь – дым над трубою.
Сквозь построй,
Алым сгустком крови,
Пробиваются ягоды горстью;
Долго ждали мы в стылые дни
Обрамлённую инеем гостью;
Не грусти, не грусти, не грусти;
Посмотри в это дикое поле,
На невинного снега пласты –
Где увидишь такое раздолье?
Впереди – чистота и туман
И нетронутый наст под ногами;
Примеряй:
- Где добро?
- Где обман?
Путь открыт...
Далеко...
И не нами.
Оглядись, за подсказку прости:
Не грусти широко и ненастно –
Столько встреч на заветном пути
Неизведанно – новых – прекрасных.*

2.

Только шаг за порог,
На крыльцо,
Полотном любопытным – картина:
Ты увидишь иное лицо.
Незнакомо – знакомой равнины.
Этот куст – и не куст, а шалаш,
Домик суетно – верной синицы;
Разве в холоде пищи не дашь,
Не нанижешь на веточки – спицы?
А вон там по бугру – снегири:
Ну и стайка – красна, как копейка;
Не тревожь, не пугай, а смотри,
Алой бодростью брызжет семейка.
Рыжий кот лапки стресс за углом –
Отморозил в снегу, шалунишка,
И, затеяв игру, с воробьем,
Под застрехой застрял – как мальчишка.
А с пути, напролом – почтальон,
Утопая в сугробе..
От жести
Рассыпает малиновый звон,
Пряча в ящик желанные вести.
Радость – в мелочи!
Мелочи – жизнь!
Жизнь красна, что кора буйной ели
Мощью бьет в небеса...
Так хранись,
Радость, верная мне до...
Капли!

3.

Деловито убрав полутьму,
Буду чистить тропу до калитки;
А потом для родной – быть добру,
Нанижу алых бусин на нитки.

В гостях у Кота Котовича

Черный кот Тишка

Жили-были старик со старухой, и была у них внучка Маша. А еще жил у них в доме старый чёрный кот Тишка. Раньше, когда он был молодой и шустрый, хозяева его любили, ведь он ловко ловил мышей. Старуха наливала ему молока в миску, давала рыбки. А теперь он состарился и не мог ловить мышей.

Кот стал лишним в доме, и старуха выгнала его жить в сарай. Жалко кота было только девочке Маше. Она потихоньку пускала кота погреться и давала ему молока. Как-то раз кот уснул на пороге, и старуха чуть не упала через него.

- Нечего дармоеда дома держать! - ругалась она.
- Дед, отвези его в лес.

Вот поехал как-то утром старик в лес за дровами и кота с собой захватил. Заехал он в чащу и там кота бросил. Сам нарубил дров и вернулся домой. Хорошо, что тепло стояло. Остался кот в лесу жить: стал ловить полёвок да ящериц. Так и жил всё лето.

Наступила осень, и грызуны стали к людям в дома прятаться. Как узнали они, что кота в доме больше нет, то стали веселиться от радости: начали всё грызть и портить, таскать зерно и муку. Что ни день, то где-нибудь да набедокурят мыши. А потом и крысы в дом набежали, людей пугаться перестали. Прогрызли дыру в сундук к хозяйке, и всю одежду перепортили. Заголосила старуха и пошла просить у соседей котёночка. А они не дают, говорят, что она

старого кота обижала и котёнка обижать будет. И другие соседи тоже котёнка не дали.

Делать нечего, решили мужик с бабой в лес идти, старого кота искать. Запрягли лошадь и поехали, Маша уговорила и ее с собой взять. Доехали до опушки, стали кота искать. Долго искали и, наконец, нашли. Стали кота манить: «Кис, кис, кис». А кот не идёт - боится. Тогда Маша начала манить кота: «Киска, киска!» Услышал кот любимый голос и прибежал из леса. Взяла Маша кота на руки, стала гладить его и ласкать. Замурлыкал кот Тишка от радости.

Дома кота помыли, молоком напоили, рыбкой угостили. Ну, и кот постарался: за одну неделю всех мышей переловил. Стали хозяева жить-поживать, добра наживать, а кота больше не обижали.

Вот и сказке конец, а кто слушал - молодец!

Янин Яков, 7 лет

Счастье черепахи Афроны

В некотором подводном царстве, в некотором подводном государстве у царя Карама было три дочери-черепахи Афрома, Бимома и Дискрит. Каждый вечер черепахи выплывали на берег, снимали с себя панцирь, превращались в девушек-красавиц и собирали разные травы.

Около моря, в котором они жили, была избушка. В ней жил старый дедушка. В один прекрасный день дедушка забросил сеть в море. Когда он вытащил её в первый раз, ему ничего не попало. Когда он во второй раз закинул невод, вытащил опять пустую сеть. Когда старик закинул сеть третий раз, вытащил её из воды, попала ему морская черепаха. Он вытащил черепаху Афрону. Дед взял черепаху и посадил в корыто с водой. Дело было уже вечером, и он занёс корыто с черепахой домой.

Стемнело. Старик лёг спать. Когда он заснул, черепаха выбралась из воды, сняла с себя панцирь и в самую полночь стала убираться у дедушки дома. Скоро стало всходить солнце. Афрона опять надела панцирь и залезла в корыто.

Когда дедушка проснулся, он увидел, что дома всё прибрано, и удивился. Потом он вспомнил про вчерашний улов и подумал: «Что я буду делать с этой

черепахой?». Думал он, думал и решил отпустить., её в море. Так и сделал.

Когда черепаха приплыла домой, она обо всём рассказала своему отцу, морскому царю. Сестры не знали о том, что она была у людей. Они спросили:

- Где ты была так долго? Афрона ответила:

- Я была на берегу у людей. Сестры удивились и спросили:

- Как ты туда попала? Афрона рассказала им.

На следующий день Афрона выплыла на берег и стала ждать дедушку.

И вот дедушка вышел ловить рыбу. Когда он увидел её, он удивился, почему это черепаха опять на берегу, и спросил:

- Что ты тут делаешь?

Черепаха сняла панцирь, превратилась в девушку-красавицу и сказала дедушке:

- Милый старичок, надень вот этот перстень.

Дедушка послушался и надел перстень. И в тот же миг превратился он в молодца-красавца.

- Что со мной происходит? - удивленно спросил он.

С помощью волшебной силы ты снова стал молодым, - смеясь, ответила девушка.

Когда он услышал красивые речи Афроны, тут же влюбился в нее и сделал ей предложение. Она согласилась и предложила молодцу пожениться в их подводном царстве. Молодцу выбирать не пришлось. Прежде чем уплыть, Афрона надела на него свой

панцирь и превратила его в морского конька. Вместе они уплыли в подводное царство.

Вскоре морской царь обвенчал их, и был пир на весь подводный мир. Стали они жить-поживать да добра наживать в подводном царстве, а каждый вечер выплывали на берег, превращались в людей и до рассвета гуляли по берегу моря.

Янин Семён, 9 лет

Злой водяной

В некотором царстве жил-был мальчик Петя. Вот как-то раз решил Петя прогуляться до речки. Как коснулся Петя рукой реки, начался гром, и из реки вышел Водяной. Говорит Водяной злым голосом:

- Что тебе, бездарный человек, надо?

А Петя спрашивает:

- Почему я бездарный? Я хорошо учусь, меня все любят.

Злой Водяной продолжает:

- Тебя все ненавидят! Ха-ха-ха! Петя возмутился:

- Нет! Меня все любят! Разозлился Водяной, превратил

Петю в маленькую рыбку и говорит:

- Теперь ты будешь служить мне!

Довольный Водяной взял рыбку и уплыл с нею под воду.

Плохо людям стало без Пети: некому писать важные документы, считать доходы и расходы. И люди пошли искать Петю. Вдруг рыбаки что-то почувствовали в сети и вытащили на берег. Это была рыбка. И заговорила рыбка человеческим голосом:

- Это я, Петя. Меня превратил в рыбку злой Водяной.

И все они сказали вместе с Петей: «Будь проклят, Водяной!». Но проклятье не помогло.

Тут прилетел Ангел. Он покружил над речкой, потом коснулся крылом воды и обрызгал рыбку. Она вмиг превратилась в Петю. Из воды показался Водяной. Ангел коснулся воды вторым крылом и обрызгал Водяного. Он вмиг превратился в пар и испарился на солнышке. Увидев это, люди радостно закричали: Ура! Добро победило Зло!

Додонов Матвей, 9 лет

Рыжая девочка Осень

Жила-была рыжая девочка. Звали её Осень. Когда она улыбалась светило солнце, а когда плакала, шёл дождь.

Вот как-то гуляла по лесу и услышала, как два дерева разговаривают между собой.

- Вот пришла осень, опадают листья. Мы стали совсем некрасивые.

Рыжая девочка их успокаивала:

- Не переживайте, я вам осенью дарила платья из золота. Пройдет зима и вы снова станете красивыми. Оденете пышные, зеленые платья и будете похожи на принцесс. Я тоже буду радоваться вместе с вами, но мне будет немножко грустно.

А сейчас я превращусь в белокурую девочку – Зиму. Взмахну волшебной палочкой и вы заснете крепким сном до весны.

Мяликова Дарья, 8 лет

Как зайчик осень ждал

Жил-был зайчик. Он очень любил осень и с каждым днём считал дни осени.

Идёт раз зайчик по дороге и грустит.

-Зайчик. Зайчик о чем ты грустишь? – спросил ёжик.

- Да так об осени скучаю.

- А почему ты скучаешь?

- Жду, жду, а её всё нет.

- Знаешь, зайчик, - сказал ёжик – осень придет. Ждать осталось совсем недолго, если ты не будешь каждый день думать об осени, она быстрее придет.

Накроет землю желтыми листьями.

- Спасибо, ежик, за поддержку.

- На здоровье.

Побежал зайчик домой в лес, лег в теплую мягкую постельку. Загадал желание: «Осень, приходи быстрее!». Заснул он крепким сном. На следующий день открывает зайчик глазки. За окном всё желтое. Деревья в новых платьях стоят. Яблоки в саду, морковка в огороде созрели. Белочка орехи собирает. Ёжик готовит норку. Только зайчик бежит и радуется осени.

- Ура! – крикнул зайчик. – Осень пришла!

Сайфуллов Руслан, 8 лет

Сказка про осень

Однажды мы со своим классом пошли в поход в лес. Был День здоровья. Мы устроились на золотой от листвы полянке. Хотели пообедать, а потом поиграть в разные игры.

Вдруг из леса вышла красавица Осень. Она была одета в золотое платье, у нее был блестящий, как у Дедушки Мороза посох, на голове красовался венок из гроздьев рябины. Осень поздоровалась с нами и решила показать и рассказать нам про такое прекрасное время года. Осень взмахнула своим посохом и на полянке появились грибы: опята, рыжики, подосиновики, подберезовики, на огороде созрели сочная морковка, здоровые кабачки, разноцветные помидорчики.

Птички запели свои чудесные песенки. Стало весело маленьким муравьям. Пришла пора заготавливать корм всем лесным зверям. Перед нашими глазами забегали белки, запасаясь орехами, ёжики бегут с грибами на спинке, а кабаны запасаются желудями.

Вот в такую сказку попали мы в лесу. Мы увидели это прекрасное время года во всей своей красе. Нам очень понравилась королева.

Осень с её замечательным замком. Весь лес был признан солнечными лучами и казался золотым от света и желтых листьев, поэтому и называют осень золотой.

Аббясов Рамиль, 10 лет

Баларанчик

Сельский детектив

Пропала на Свищёвке в Большой Кандарати тёлка. Дело -зима. Следы все видны, как там надо. Следы видны, а тёлку - нет. Смотрит хозяин: вчера была скотина, а сегодня, увы... Такой случай... Время трудное послевоенное. Тёлка - надежда и опора. «Второй хлеб» - удой в доме.

Пошёл он к соседу. Сосед грамотный такой: аж историю всё читал - первобытную. Больше книг не было, а энту... где-то, можа, в городах, прихватил. А фамилия соседу - Свищёв. Их, Свищевых, на Свищёвке пруд пруди. Много. От первых богатеев до самых... некуда - бедных. Можа, потому так и улицу, что по Большой дороге за Березник на Промзино, Саранск и Москву ведёт, прозвали.

Шебутной сосед: беловолосый, быстрый, лёгкий на подъём. Хитрый-то какой: смотрит на тебя, а глаза в сторону - сносит. Косит -со стороны тебя осматривает. Может, это от косоглазия и хитрым считали. А может, - складно говорит, необычно - прибаутками. Долго не раздумывал. Да и не любил он долго думать. Действие - его правило.

- Пошли, - говорит, - осмотрим «место происшествия!»

Вишь, как грамотно загнул: место, и не просто, а - место происшествия!

Пошли они во двор. Кругом снега, снега, а во дворе сухо, чисто - подметено. Скотина - барашки там, коровка - хрумкают. А вот тёлки на сносях и правда -

нет. Только по земле и навозу у яслей снежные следы сереют.

- Ты обувку какую носишь? -спросил шебутной сосед. Будто не видит «кирзу» на ногах у хозяина. Тот ее и зиму, и лето, с войны еще, не снимая носит. Правда, пара хромовых сапог - «на выход» - в заначке у него, спрятанная, лежит. Но «выхода», года-года, всё нет и нет. Так что, кирза незаменима.

- А-а, кирзяки, - догадывается сосед. Лицо у него на ясли повёрнуто, а глаза хитрющее на сапоги смотрят. Всё сразу видят.

- А тут, хрен какой наследил. Смотри, - и показывает сыскарь на следы, - вишь, пятнами они, как от плетёнок, лаптей вроде, оставлены. Вишь, два следа больших, а ещё четыре маленьких. Значит, трое их было! Во - что значит. - И в заднюю калитку. -Смотри, не заперта, - и по огороду... По огороду - лаптями машут. Беги, запрягай лошадь. Людей зови - по следу пойдём...

Ишь, какой охотник, следопыт выискался? Ум-на-а-ай, голова, хошь и косой, а все видит.

- Ты слышь-ка, сосед, - говорит хозяин. - Следы-то они следы, да только не коровьи они. Они што, телку на себе потащили? И опять же, мужчинский след-то один, а два-то других, как быть - детские. Нет, ты, голова, не то говоришь. Хотя, помню, что-то ты про энтó говорил...

- А што я говорил, - быстро перехватывает сосед, - в Библиях написано: что ребенок на себе теленка кажний день таскал и утро, и вечер на пастбище. Да ещё в гору. - И он назидательно поднял палец.- Кажний день, кажний день, а к концу-то и здоровущего быка пер,

хошь ны... Как будь -теленек-то рос. Тренировка называется...

Во, как завернул. Научную базу подвёл.

- Так и тут што видим? Телица -тю-тю. И ребяенок не один, а двое: да еще - с мужиком. Так и упёрли. Будь-будь!

Запрягли они лошадь. Сосед для сугрева самогона требовал, поскольку он «консультантом» себя обозвал. Подобрали ещё друзей и тронули по следу.

Далеко след повёл. За село задворками, по направлению на Усть-Урень.

Но заминка небольшая вышла у речки Кандаратки, где в Барыш вливается. От села-то далеко, а следы «лаптины» не кончаются. Одни спорят, что не могут люди так далеко нести скотину. Другие - в том числе и хозяин (думой изболелся мужичонка) - могут.

- Главное, - решил, глубокомысленно поднимая палец вверх, сосед Свищёв, - там парень в гору таскал быка. А крутизна-то, крутизна-то какая?!...

Ещё бутылки нет? - внезапно обратился он к хозяину. - Чтоб мысля встряску дала!

Хозяин из-под сена вынул бутыль. Дело-то и стронулось.

Подъехали они по следам к Усть-Урени к Большой дороге, а след-то на ней от лаптей и исчез.

- Что они, ангелы во плоти что ль были? - говорит сосед. - Несли, несли и улетели.

- Дык, дорога-то укатанная, -говорит один. А второй добавляет: «Смотри - коровья лепеха. От испуга летного, наверное».

- Ну нет, - перебивает светловолосый хитрец. - Посмотрим вкруговую. А энто что? - Вытаскивает из снега у бровки четыре запорошенных снегом лаптя. - Это нас хотят в лапти обусть?! Дак, третьей пары не вижу... Эгей! Смотри веселей!!

И точно по накату дороги - следы! Коровьи следы!! Следы видать. Ви-ии-дно!!!

- А чего они лапти забыли? -недоумевает хозяин.

- Потому што..., - задумался спецпроводник, - я и говорю. Нас «обусть в лапти хотели»! Да жаль, пары не хватает. Этому архавцу -проходимцу, путнику задумчивому, в суму бы забрать лапти-то надо. А тут лишняя - улика.

- Чаво, чаво...?

- Не «ЧАВО»! А знать, метка такая. Не поведёт же ворюга корову селом в лаптях. Вот он и снял их с животины.

- Как? Как?! - переспрашивают попутчики.

- А так. Он телку в лапти обул, -калякает сыщик. - а нас - не придётся.

Нашли тёлку-то: по расспросам жителей, на радость хозяина в следующем селе - в Белозерье.

Только вор истинно хитрее сыщицкого нюха оказался. Он уже тёлку продать договорился. И задаток самогоном отметил с покупателем. И с собой горючки захватил на неизвестную дорожку.

Вот так - «обул в лапти». Только кого?...

Тем и закончилась «лаптёжная история».

Виктор Селянкин

СОДЕРЖАНИЕ

К истокам.....	3
Братство лицейстов было союзом от сердца (к 200-летию Царскосельского лицея).....	4
Литературная гостиная.....	7
Цухлов А.....	8
Малахов В.....	14
Марянин Н.....	18
Гаак И.....	21
Абрамушкина Л. Г.....	26
Свирель.....	31
Ты – Мать, и жизнь, и символ красоты.....	32
Бухта семи ветров.....	39
Аббясов Р. Осень-художник.....	40
Абдулина А. Осень.....	41
Салахетдинов Э. Осень-художница.....	43
Кирюхина А. Осень.....	44
Семейный альбом.....	45
Селянкина Л. П.Круглый ДОМ.....	46
Селянкин В.В Селянкин Михаил Тимофеевич.....	50
Селянкин В.В. Зотов Петр Филиппович.....	51
Селянкин В. Декабрь.....	53
В гостях у Кота Котовича.....	55
Черный кот Тишка.....	56
Счастье черепахи Афроны.....	58
Злой водяной.....	60
Рыжая девочка Осень.....	61
Как зайчик осень ждал.....	62
Сказка про осень.....	63
Балаганчик.....	65
Селянкин В.В. Сельский детектив.....	66

Гостиный двор

**Художественно-публицистический альманах
№ 1 (11) 2011 г.**

**Карсун, Центральная библиотека
им. Н. М. Языкова**

**Главный редактор
О.С. Кирюхина**

Редколлегия:

**Н. А. Евсеева
Н. В. Кузнецова
Л. А. Салахетдинова
Л. А. Селезнева
О. В. Яшкова**

**Комп. верстка
Г. С. Айзятова**

**Худ. редактор
В. А. Фролов**

**Отв. за выпуск
А. А. Самарина**

Уважаемые читатели!

Просим вас свои отзывы, замечания,
предложения и пожелания, а также свои
произведения направлять по адресу:

433210, Ульяновская область,
р. п. Карсун,
пл. 30-летия Победы, д.9

Карсунская районная библиотека
им. Н. М. Языкова

☎ Тел.: 8 (84- 246) 2 - 50- 34
e-mail: karbook@mail.ru